

О ПЕРСИДСКОМ «ДИВАНЕ» ФИЗУЛИ

Персидский язык многие века пленял своей мелодичностью поэтов всего мусульманского Востока. Поэзия, созданная на персидском языке, как отмечали исследователи и переводчики всех времен, «своеобразна по сочетанию яркой чувственности образов с мистическим движением духа, воспеванием любви, доведённой до совершенства, до виртуозности, во всех её изгибах и проявлениях». Литература на персидском языке насчитывает сотни славных имен. Не остались равнодушными к столь прекрасному языку поэзии такие выдающиеся поэты и мыслители Азербайджана, как Низами Гянджеви, Хагани Ширвани, Имадеддин Насими и другие.

Азербайджанский поэт XVI века Физули писал как на родном и арабском, так и на персидском языках. Поэтому для полной оценки творчества поэта немаловажную роль играют исследования и переводы богатого наследия поэта.

На персидском языке оно состоит из следующих произведений: «Хафт джам» (Семь чаш), «Анисул галб» (Привязанность сердца), «Ринлу-Захид» (Босак и аскет), «Сиххаг ва Мараз» (Здоровье и болезнь), «Рисалейе Муамма» (Трактат о шарадах). Сюда же входит азербайджанско-персидский стихотворный словарь, авторский перевод произведения «Хидикет-ус-суада» персидского писателя Гусейна Кашифи, который считается первым прозаическим переводом на азербайджанский язык. Произведение «Хафт джам» является месневи, где поэт ведёт философскую полемику с музыкальными инструментами. «Анисул-галб» – это касыда, представленная турецкому султану Сулейману Кануни, которая является подражением произведению Хагани «Бехрул-абрар», что отмечено самим же поэтом в конце касыды. «Ринду-Захид» – дидактический рассказ с множеством рубаи и кыта, где затрагиваются воспитательно-моральные вопросы. «Сиххаг ва Мараз» это аллегорическое произведение, которое ярко иллюстрирует медицинские знания поэта. Здесь рассказывается о путешествии души, вошедшей в тело человека. Душа – красота – ум – скорбь – пленительность – восхищение. Вот та цепь, имеющая низменности и высоты, по которой проходит читатель. Произведение написано прозой, но имеются и стихотворные отрывки. Аллегория в нём ярка и чувственна. «Рисалейе муамма» включает в себя шарады, как на персидском, так и на азербайджанском языках.

Персидский «Диван» занимает особое место в творчестве поэта в целом и также среди произведений, написанных им на персидском языке.

Ещё в 1563 году современник, поэт Ахди Багдади в летописи «Гольшен-у шуера» сообщает о том что персидский «Диван» Физули завоевал большой успех во многих странах Востока и был одобрен румийскими поэтами и арабскими ораторами.

По объёму персидский «Диван» поэта превосходил тюркский «Диван». Персидский состоит из предисловия, сорока девяти касыд, четырёхста десяти газелей, одного теркиббнда, двух мусамматов, сорока шести кыта и ста десяти рубаи. В предисловии к тюркскому «Дивану» поэт отмечает, что персидский «Диван» был составлен до тюркского «Дивана». Поэтому сами по себе отклоняются некоторые суждения о том, что персидский «Диван» почти перевод тюркского «Дивана». Предисловие к «Дивану» интересно как по содержанию, так и по изложению. Прекрасная художественная рифмованная проза создаёт особую плавность в изложении мысли. В нём содержится ряд ценных замечаний о поэтике, ценностях слова, гармонии формы и содержания.

Лирика Физули подкреплена глубокими научными и философскими знаниями. В предисловии к «Дивану» поэт пишет: «Украшательница моей логики не сочла приемлемым, чтобы красота моей поэзии сверкала на груди эпохи просвещения. Ювелир моего высокого дарования не согласился с тем, чтобы нить моих стихов могла стать ожерельем всего света без жемчужины науки. Ибо поэзия без науки подобна, стене без основания».

Стилисты средних веков отмечают, что как бы ни был высок и заманчив смысл, если он не выражен отборными красивыми словами, никогда не сможет найти пристанище в душе читателя. Изящество стиля персидского «Дивана» Физули основывается как на смысле и воображении поэта, так и на слове. Слово для поэта имеет цвет. Вот как он выразил эту мысль в «Диване»:

*«И винные губы твои отнимают покой,
Слова твои им дарят алый цвет свой». Физули придаёт огромное значение красоте слова: «Тайной мудростью меня ведь одарил Он.
Пусть даст мне раскрыть слов красивых бутон».*

В предисловии лаконично описана краткая история создания персидского «Дивана». Однажды он зашёл в школу, где встретил луноликую красавицу персидского происхождения. Пленённый поэт начал читать ей свои стихи на арабском и на своём родном языке. Красавица с улыбкой ответила поэту: «Эти строки мне чужды, прочти мне любовные газели на моём родном, пер-

сидском языке, чтобы они душу обжигали». Далее Физули говорит: «Долгие ночи я таял в огне раздумья и составил «Диван» персидских газелей. Составил, чтобы мудрые мужи могли насладиться завуалированным прекрасным содержанием, а простодушные красавицы могли лакомиться с того накрытого стола».

В предисловии дивана есть интересные библиографические факты. Одним из них является то, что поэт счёл нужным разъяснить причину выбора псевдонима «Физули». Как отмечает сам поэт, несколько раз он подбирал слова для псевдонима, но каждый раз выяснялось, что уже были такие. И наконец, поэт останавливается на слове «Физули», которое означает «мудрость», «знание», а в простонародье несущее значение «невежа». Время доказало, что Физули благодаря своему блистательному таланту стал носителем именно первого значения этого слова и получил прозвище «Мовлан» («Наш господин», титул мусульманских учёных и богословов), как Джалаледдин Руми. Раскрывая тайну суфизма, известный поэт мусульманского Вос-

тока Руми рассказал притчу о том, как однажды влюбленный поступал в дверь возлюбленной и на вопрос: «Кто там?» ответил: «Это я». Голос изнутри сказал: «Дом тесен для двоих», и дверь не открылась. Влюблённый ушёл. Он постился, молился, размышлял и через год вновь пришёл к двери. На прежний вопрос он ответил: «Это ты!», дверь открылась. Персидский «Диван» Физули наполнен глубоким религиозным вдохновением и суфийской символикой, что говорит о той «двери», которая была открыта поэту. Своими касыдами в «Диване» он откликается на злободневные общественные вопросы, запечатлевая исторические отрезки того времени.

«Диван» был написан в период Сефевидов, когда персидский литературный язык, отличившись от дворца (так, как главенствовал тюркско-азербайджанский язык) оказался за пределами страны. К нему обращались в Османской империи, Малой Азии, Индии. Литературный персидский язык в самом Иране был в упадке, дойдя до уровня разговорной речи. В такой противоречивый период именно подобной простотой, но изысканным стилем, к которому обратился Физули, мог послужить мостом между языком, потерпевшим упадок в самой стране, и языком процветающим за его пределами. Вот чем обуславливается столь изысканная простота языка «Дивана». И поэтому «Диван» доступен и «мудрым мужам», и «простодушным красавицам». Им

восторгаются и «учёные знатоки» и простые люди.

Индийский поэт-просветитель XIV века Алтаф Хусейн Хали пишет: «По нашему мнению, мерилом простоты произведения должно быть следующее: как бы ни была изысканна и глубока мысль, она не должна быть запутанной и нервной, слова же по возможности должны быть близкими к разговорной речи. Чем больше структура стиха отдалена от обычной разговорной речи, тем больше она лишена красоты простой речи. Разговорная речь – это не базарная простонародная речь и не речь учёных и знати, а это слова и фразеология, которые вошли как в речь народных масс, так и в речь избранных». «Диван» вполне соответствует вышеперечисленным условиям простоты, ведущей к красоте произведения.

Оригинальные стилистические приёмы придают «Дивану» красоту звука, формы и содержания. Излюбленным стилистическим приёмом поэта является повтор и антитеза. Противоречивость окружающего его мира способствует появлению многих антитез в языке поэта. Физули как бы отрицательным компонентом антитезной конструкции проникает в суть современной ему действительности, а положительным компонентом проявляет любовь, чуткость, отзывчивость ко всему прекрасному, возвышенному в природе человека. Антитезные конструкции, созданные поэтом, их контраст отличаются изысканным изяществом. Благодаря такому контрасту появляется большая живость, яркость и лаконичность описываемого факта. Примером могут послужить следующие строки поэта:

*«В день свидания счастливым трудно мне быть,
Ведь горесть ночей разлуки мне не забыть!»*

«Диван» изобилует повторами, которые создают в нём целостную систему. Эти повторы, акцентируя определённую мысль, придают экспрессивно-эмоциональную окраску «Дивану» в целом. Благодаря лексическим семантическим повторам автор создаёт яркие поэтические фигуры и акцентирует поэтическую мысль. Например:

«Аллах, Аллах! Слово это сокровище...». Поэт, повторяя обращение «Аллах», выражает своё глубокое восхищение.

Читая персидский «Диван», убеждаешься в том, что творческий потенциал поэта не вмещается в рамки одного языка и поэтому находит своё

выражение и в других языках мусульманского Востока. Тонкий и чуткий мастер слова, эмоционально воспринимающий мир, он выражал свои чувства и переживания и на персидском языке. Соблюдая грамматические нормы этого языка, сохраняя естественность, поэт достигает убедительности изложения.

В его изложении по всему «Дивану» прослеживается тонкое единство поэтической гордости и скромности автора. Вспоминаются слова Алтафа: «Во всём мире становятся признанными те поэты, творения которых просты и доступны, их читают с большим интересом, в них каждый ум находит что-то общее и каждое сердце – что-то своё». Персидский «Диван» поэта своей изысканной простотой, доступностью достоин этих слов:

*«Прекрасен слог твой на языке родном,
Но не чужд тебе сладкий персидский язык!»*

Шафар АЛИБЕЙЛИ,
доктор филологических наук.

